

Путь травознатца.

30 декабря 2005 года на 82 году жизни умер мой Учитель Петр Иванович Пипко.

Уходят наши Учителя, оставляя нам светлую память по себе, хлопоты о страждущих и понимание ответственности за сохранение вековых знаний. На Востоке есть мудрость, которая гласит, что носителем знания является не человек, но Бог. А посему даже со смертью Мастера знание не умирает. Господь всегда сыщет подобающий сосуд для помещения Своего Света.

Божественный Свет Знания, белый, яркий, слепящий, проходит сквозь грани алмаза, что зовется душой Мастера, и приобретает неповторимую индивидуальность.

Сохранить эти оттенки и переливы, не дать исчезнуть им безвозвратно – вот задача для благодарного ученика.

Петр Иванович Пипко родился на излете зимы високосного 1924 года. Точная дата его рождения мне не известна. Когда я его спрашивал об этом, он говорил – 1 марта. В то же время я случайно узнал, что, оформляя какие-то документы в собесе, он называл 28 февраля. Учитывая такую разнодатицу, а также тот факт, что 1924 был високосным годом, я думаю, что точная дата рождения Петра Ивановича – 29 февраля.

Мой Учитель родом с Украины, из пригородного села близ Конотопа. Родился он в многодетной семье потомственных травников. Знание трав передавалось по мужской линии. Однако я не помню того, чтобы Учитель говорил, что девочки отвергались. В семье травам обучали всех детей. Но получалось так, что носителем родовой традиции был мужчина.

О днях своего детства, пришедшегося на годы первых советских пятилеток и предвоенное время, Петр Иванович рассказывал тепло и светло, так что в моей памяти это осталось ощущением летнего солнечного утра. Так, наверное, случается с каждым человеком: даже тяжелое детство вспоминается в различных оттенках счастья и радости.

Сызмальства дети в семействе Пипко научались травам, и даже если во взрослой жизни это и не становилось их основным занятием (например, отец Петра Ивановича был почтальоном), они все равно жили в дружбе с зеленым народом.

Петр Иванович рассказывал, что его первым наставником был прадед. После прадеда эстафету принял дед, который, насколько я могу судить, и стал основным учителем юного Пипко.

Учеба строилась довольно строго и, что называется, без отрыва от производства. Все «прелести» такого подхода я потом ощутил на себе. Детей собирали вместе, вели в поле, в лес, на болота и показывали одновременно до нескольких десятков растений, требуя запоминать не только, как выглядит трава и где растет, но также как пахнет, какой имеет вкус. В самом начале обучения акцент делался на то, чтобы запомнить и понять сотни растений. Лечебные же их свойства давались позже, понемногу, не торопясь.

Лично у меня первые дни учебы (нужно ли говорить, что меня учили также) оставили ощущение информационной переполненности и некоторой паники от неспособности сразу запомнить и различить между собой все травы, что были показаны.

Рассказывая о своем деде, Петр Иванович указывал на то, что это был исключительно самостоятельный во взглядах человек, твердо стоящий на своих, подчас весьма неординарных, позициях. Так, например, дед полюбил цыганку и, несмотря на мощное сопротивление семьи и серьезный конфликт на этой почве с приходским батюшкой, женился на ней и прожил долгие годы.

Не зависимо от трений со священником, чуть было не окончившихся отлучением от Церкви, дом деда Пипко был чем-то вроде диспут - клуба. Петр Иванович вспоминал, как он, совсем еще мальцом, ложился спать на печи в большой горнице дома. Но не спал, а слушал сложные, непонятные, но такие завораживающие разговоры деда и трех батюшек – настоятелей трех близ расположенных церквей. Священники частенько заглядывали к деду Пипко на вечерний чай, видно, интересно было разговаривать с человеком начитанным и имеющим неординарный взгляд на вопросы религии. Разговоры эти нередко перерастали в жаркие споры, в которых не бывает правых или неправых – истина известна лишь Богу.

На мой вопрос, был ли дед Пипко набожен, часто ли творил молитву, Учитель отвечал: нет, мол, не был.

- Тогда, - спрашивал я, - может быть, он был атеистом, - В те годы под давлением ситуации в стране люди в своих взглядах доходили до крайностей.

Оказывалось, что и атеистом дед Пипко не был. Просто он имел свой взгляд, что и являлось поводом для споров со святыми отцами.

В самом начале моего знакомства с Петром Ивановичем, зная, что потомственные знахари много пользуются разными молитвами и заговорами, я и в своем Учителе ожидал увидеть нечто подобное. Ничуть не бывало! Когда я по наивности спрашивал его об этом, он только по-доброму посмеивался и говорил, что ни сам, ни кто-либо в его роду подобными склонностями не отличался.

- Говорить с травой, говорили. Так это когда от сердца идет. А чтоб заговаривать – не было.
- А о чем говорили-то? – спрашиваю.
- Ну вот, например, помню, - отвечал Учитель, - я еще пацаном был. Пошли мы с дедом собирать подмаренник. Мы всей детворой то собираем, то бегаем, балуемся. А дед себе режет. Потом как-то смотрю, он стоит перед подмаренником на коленях, гладит его по - вдоль и говорит: «Кто же назвал тебя травой моровою? Я бы назвал тебя травой костоправною».

И после этого Учитель рассказал мне историю о своем деде и подмареннике.

Было как-то дело, мужики после сенокоса кидали сено на скирды. Скирды те были большие, очень высокие. Как и всегда на селе, работали семьями. Жил тогда рядом с Пипко мужик с двумя взрослыми сыновьями. Они тоже в тот день скирдовали. Сыновья помоложе да поздоровее, сено снизу на копну забрасывают. А отец их наверху укладывает. Да так за работой неровен час тот мужик и оступился. И с высоты двухэтажного дома прямо на спину и ухнул. Встать не может, руки- ноги отказали. Так его и отнесли сыновья в село недвижимым. Приезжал городской доктор, посмотрел, да так и уехал ни с чем, сказав, что сделать ничего нельзя, сломан становой хребет и поврежден спинной мозг.

Обратились они тогда к соседу своему деду Пипко. А он-то и надоумил поить больного отваром подмаренника.

Минуло полгода, мужик все лежал парализованный. Уже все и надежду потеряли. Однако подмаренником поили. И вот настал день, когда никто уже ничего не ждал, мужик

пошевелил ногами. Кончилось тем, что больной, в конце концов, даже смог встать, хотя, конечно, ходил с трудом, а уж работник был и вовсе никакой.

Вот такие истории из своего детства, проплывавшие перед его глазами, рассказывал мне мой Учитель, в то время, как наши руки резали, вязали в пучки или измельчали уже высушенные травы. Надобно сказать, что Петр Иванович подчас не помнил, что он мне рассказывал, а что нет. Поэтому мне доводилось некоторые истории слушать по несколько раз. Да я и не в обиде.

Как я уже говорил, все дети в семействе Пипко были обучены травам. Ну и, конечно, не ленились использовать знания для своих надобностей. В предвоенное время, когда Петр Иванович и его братья-сестры ходили в школу, туговато было с тетрадками. В селе купить было особо негде, да и денег не было. А была, зато в селе лавочка, которую держал один еврей, человек весьма предприимчивый. Он поставлял в городскую аптеку лекарственные травы, которые скупал у заготовителей в селе. Так вот он, бывало, даст детям Пипко задание набрать череды или ромашки, примет у них сырье, а рассчитывается тетрадками или леденцами.

Доучился Петр Иванович в школе только до восьмого класса. После восьмилетки пошел работать, помогать семье. К тому времени он уже неплохо знал травы и потаенным желанием имел учиться на врача или на фельдшера. Однако семья осилить это дело финансово не могла, да и школьная подготовка на селе была слишком слабая, чтобы сдать вступительные экзамены.

Начало Великой отечественной войны застало Петра Ивановича юношей, еще не достигшим призывного возраста. Однако все старшие, в том числе и отец, ушли на фронт. Да и сам Петр Иванович, едва ему стукнуло восемнадцать, оказался на передовой. Служил он в противотанковом подразделении и, несмотря на молодость, был парнем рослым, в одиночку таскал противотанковое ружье.

В одном из боев красноармеец Пипко был ранен в бедро, и попал в плен. Немцы сформировали из пленных колонну и под охраной отправили в ближайший лагерь.

Как интересный факт Петр Иванович отмечал, что в одной команде с ним был молодой Смоктуновский, бежавший от конвоиров буквально через день или два, и, как мы все знаем, ставший в последствии знаменитым актером.

Дело было зимой 1943 года, лежал снег и стоял холод. Раненого Петра Ивановича по очереди несли товарищи, так как сам он идти не мог. В конце концов, немецкий начальник приказал расстрелять раненого русского, чтобы не задерживать движения колонны.

Солдат, которому было поручено это злое дело, оттащил Пипко в ближайший перелесок. Да видно, греха на душу брать не захотел. Выстрелил для вида в воздух и ушел, предоставив раненого его судьбе. И судьба не замедлила явиться в лице трех деревенских детишек, что катались неподалеку с горки на салазках. На саночках дети отвезли раненого бойца в свой дом. Хозяйка этого дома, мать детишек, скрывала и лечила Петра Ивановича, пока он не поправился. Делала она это, несмотря на угрозу быть расстрелянной со всей своей семьей, если бы Пипко нашли фашисты. Прятался Петр Иванович в маленьком погребе под землей. Он говорил мне, что было очень страшно. В последствии, в семидесятых годах, Петр Иванович специально посетил ту деревню, нашел свою спасительницу, о чем писала местная украинская газета.

Когда Петр Иванович пошел на поправку (а рана в ноге была очень плохая, долго не заживала), в дом стал заходить один местный мужчина и подолгу разговаривал с Пипко. Молодой и выздоравливающий, Петр Иванович не собирался отсиживаться за спиной спасшей его женщины, подвергая ее семью опасности. Он стал искать выходы на партизан, но все его расспросы оставались без ответа – люди приучились быть осторожными.

Но в один прекрасный момент мужчина, что заходил к раненому, окончательно убедившись, что Петр Иванович - свой, открылся ему. Он оказался сотрудником НКВД и

руководил подпольно – диверсионной группой в районе. Он привлек Петра Ивановича к работе, придумав ему легенду, суть которой сводилась к тому, что Пипко, неплохо говоривший по-немецки, выдавался за фолькс-дойче, поволжского немца, приехавшего к родичам на Украину. Ему выправили документы на вымышленное немецкое имя, что позволило легализоваться на оккупированной территории.

Группа, в которую входил Петр Иванович, занималась сбором сведений о немецких войсках, организовывала дезинформирование немцев, совершала диверсионные вылазки. Безусловно, была связь и с Большой землей, и с партизанами.

В подпольной войне прошел еще год. В 1944 году группа занималась организацией и обеспечением так называемых «львовских котлов» - операцией по окружению и уничтожению немецких войск на Украине. Если я все правильно запомнил из рассказов Петра Ивановича, таких «котлов» было несколько. Операции проводились поочередно. И вот начались какие-то непонятные происшествия. Стоило одной операции завершиться, тут же гестапо забирало и расправлялось с той группой подпольщиков, которая играла основную роль в организации всего дела. Несмотря на то, что люди были очень осторожны и ни чем не нарушали конспирацию. Так произошло дважды. Петр Иванович, почувствовав неладное, пытался говорить об этом со своим руководителем. Но тот лишь хмурился да отмалчивался, да советовал самому Пипко тоже помалкивать.

Третья операция обеспечивалась группой Пипко. Завершив работу и буквально чувствуя, как время утекает сквозь пальцы, Петр Иванович вызвал на откровенность своего начальника. И так как опасность угрожала им обоим, тот разговорился.

Наших людей гестаповцам сдавала наша же разведка. Я не очень понял, зачем это было нужно. Петр Иванович пояснил, что группа, сделавшая свое дело и оставшаяся на оккупированной территории, представляла угрозу дальнейшим планам разведки. Понять я это не берусь. В хитросплетениях шпионских игр, наверное, бывает всякое. Война – вещь вообще жестокая и грязная. Умом я могу понять, что ради блага миллионов могли пожертвовать тысячами. Я понимаю это умом, но сердце и душа это понимать отказываются. Предательство - оно предательство и есть.

Узнав, наконец, что происходит, мой Учитель, не дожидаясь, когда за ним придут, решает уйти в лес, к партизанам. Благо, к тому времени он уже знал, как их найти. Он звал своего командира с собой. Но тот, будучи офицером и зная свой долг, а может и еще по какой причине, остался. Но Петра Ивановича благословил. Они выкрали напоследок у немцев в поселке какие-то документы, и с ними мой Учитель подался в лес.

Линия фронта уже была не далеко и с каждым днем приближалась. Так что Петр Иванович партизанил недолго, и когда канонада передовой была отчетливо слышна, ушел навстречу наступающим советским войскам.

Он шел долго через болота, практически без отдыха и еды. Вымотался настолько, что когда, наконец, услышал русское «руки вверх!», просто упал без сознания.

Очнулся в кутузке. Немудрено: пришел с немецкой стороны, в форме фолькс-дойче, с аусвайсом на немецкое имя в кармане. Упав в обморок, толком ничего объяснить не смог. Впрочем, как оказалось, объяснений от него особо не ждали. Сначала его бил какой-то громогласно ругающийся старлей, который, размахивая в запале пистолетом, совсем уж собрался застрелить Пипко. Сам-то он, изможденный и обессиленный, сопротивляться не мог. А на слабые попытки оправдаться просто получал зуботычину.

Однако и в этот раз расстрел не входил в планы Провидения. Пришел какой-то командир, который запретил стрелять в Пипко. Сказал, что, мол, нужно разобраться сначала, а там пусть суд решает. А так как войска наступали, и разбираться было особо некогда, Петра Ивановича поставили в колонну с военнопленными, теперь уже немецкими, и погнали в лагерь. Теперь уже в русский лагерь. Вот насмешка судьбы!

Когда колонна прибыла на место, с каждым пленным стали разбираться чекисты. Вот тут-то и оказалось, что Петр Иванович «никакой не подпольщик, работавший под легендой и несший своим документы немцев (отобрали еще в самом начале), а вовсе даже боец

Красной Армии Пипко, сдавшийся в плен и перешедший на сторону врага». По закону военного времени моего Учителя приговорили к расстрелу. В третий уже раз, получается. И опять Судьба явным образом вмешивается в ход истории. На сей раз в лице одного справедливого старого чекиста, который был в курсе операций группы Пипко. Чекист оказался хоть и честным, но не слишком сильным человеком. От расстрела Петра Ивановича он спас, но не от суда. И ушел мой Учитель по этапу в ссылку на уральские рудники мыть золото.

Там он проработал несколько лет. Война кончилась, и дело, видно, шло к освобождению. Но не таков был мой Учитель, чтобы так легко выпутаться из истории.

Добывая золото, Петр Иванович наткнулся на металл, впоследствии оказавшийся платиной. Об этом он подал рапорт. Да подал не туда, куда нужно было. Требовалось сообщить в НКВД, а он отправил рапорт в какое-то другое ведомство (уж не помню, какое). Разгорелась борьба между министерствами на предмет, кто же наложит лапу на драгоценный металл. Естественно, в ходе скандала опять пред ясны очи сильных мира сего выплыла фамилия Пипко. Как известно, в России, когда господа ссорятся, у холопов чубы трещат. И угроза опять нависла над моим Учителем. Тогда начальник рудника, хоть и был офицером НКВД, оказался мужиком смелым и порядочным, усладил Пипко от греха с группой геологоразведки в командировку на самый что ни на есть дальний Дальний Восток, с наказом ни за что не возвращаться и несколько лет носу не казать.

Вот так и очутился мой Учитель Петр Иванович Пипко на Амуре-Батюшке, где и суждено было через несколько десятков лет мне с ним повстречаться.

За долгие годы Петр Иванович исходил своими ногами весь Дальний Восток вдоль и поперек, то в экспедициях, то на сплаве, то еще Бог знает где, пока не осел, наконец, в городе Комсомольске -на- Амуре. Здесь он устроился на завод «Амурлитмаш», где и проработал до пенсии.

Все эти годы он продолжал собирать травы, лечить людей. Делал он это замечательно, за что и заслужил славу, уважение и любовь земляков. Петра Ивановича часто приглашали прочесть лекции в разных клубах, трудовых коллективах, на радио. Он печатал статьи в старейшей городской газете «Дальневосточный комсомолец». Несколько лет подряд выезжал летом в пионерские лагеря, где проводит занятия с вожатыми и инструкторами по ядовитым растениям, чтобы избежать отравления среди детей.

Насколько мне известно, Петр Иванович был женат дважды. С последней женой Елизаветой Федоровной прожил до конца своих дней. Родных детей ему Бог не дал, а приемные травничеству учиться особо не хотели. Поэтому когда возраст Учителя подошел к семидесяти, он озаботился поиском ученика, чтобы семейное дело не угасло. К тому времени я уже три года служил близ Комсомольска – на – Амуре начальником медицинской службы одной из авиационных частей. Годы были перестроечные. Кто их застал, помнит, какая была ситуация в стране. В том числе катастрофически не хватало медикаментов. Например, у меня в чемодане неотложной помощи была только глюкоза и мезатон. И как уже не раз бывало, в моменты кризисов выручала гомеопатия, изучать которую я начал еще в бытность свою слушателем Военно-медицинской академии. Гомеопатические горошки стили буквально копейки, и мне удалось уговорить командира части закупить под отчет на аптеку эти лекарства. Благо, в городе в то время работала в центральной аптеке Галина Николаевна Хисамутдинова, большой энтузиаст гомеопатии. Она-то и обеспечивала всех городских гомеопатов медикаментами, заказывая их то в Москве, то в Питере.

За три года, что прошли от начала моей службы до знакомства с Учителем, я уже успел многим помочь. Понятное дело, что гомеопатические шарики подавляющему большинству моих тогдашних пациентов были незнакомы. Я объяснял, что делают их из трав и минералов по специальной методике. Люди, не особо вдаваясь в подробности, считали, что гомеопатия сродни траволечению. И такое их заблуждение в один прекрасный момент сыграло свою роль.

У нас была заведующая летной столовой по фамилии Попова. Однажды она подошла ко мне с вопросом, не хотел бы я научиться травам. Разумеется, хочу! – что еще я мог ответить. Тогда она объяснила суть своего предложения. У нее есть один знакомый, пожилой годами и умудренный жизнью. Он потомственный травник. Лет ему около 70. Детей у него нет, передавать науку некому. Поэтому он ищет ученика. Попросил и ее помочь в этом. Однако поставил условия. Во-первых, чтобы это был молодой парень. Во-вторых, чтобы обязательно доктор. И в третьих, чтоб имел автомобиль, за травами ездить. Так что я полностью соответствовал. Даже машину в то лето подержанную купил. Уговорились мы с Поповой, и в назначенный день и час поехали на смотрины. Дело было летнее. Петр Иванович с ранней весны до поздней осени жил на даче. Туда мы и отправились.

Нужно сказать, что Учитель, несмотря на свой талант травника и обилие пациентов, особо добра-то не нажил. Да и равнодушен он был ко всяким материальным благам. Домик его на дачном участке был из самых простых, как у сотен тысяч наших сограждан, возделывающих свои шесть соток. Маленький, в одну всего комнату, пропахшую травами, оклеенную изнутри допотопными выцветшими обоями, с дровяной печкой в углу, труба от которой уходила в окно.

Встретил меня высокий, но сгорбленный временем и невзгодами старик, седой, как лунь. У него были очень добрые глаза и улыбка, они полностью отражали его внутреннее устройство. Ни до, ни после я не встречал такого доброго человека, совершенно лишённого способности сердиться, не то, что злиться. История знает немало людей, прославившихся не только остротой ума, но и остротой языка. В моем Учителе не было и тени сарказма. Если он и посмеивался над моими иногда неразумными действиями, то дела это очень тепло, по-доброму.

Уже тогда, в дни нашего знакомства, Петр Иванович ходил не очень хорошо, подводили ноги. Но это не мешало ему карабкаться со мной вместе по крутым амурским берегам за чабрецом.

Одевался Петр Иванович в старые вещи. Если что и было новым, то это было неброским и недорогим.

Кушал он исключительно просто. Бывало, стоит у него на дачной плите пятилитровая кастрюля с борщом. Так он его и ест всю неделю в прикуску с хлебом да сырой луковицей.

Такие особенности одежды и питания моего Учителя не проистекали ни от бедности, ни от жадности. Скорее они говорили о его неприхотливости и неприязнательности.

Петр Иванович очень много читал о травах и о медицине. Высоко ценил работы гомеопатов. Лучшей книгой о растениях считал «Лекарственные растения» Махлаюка. Преклонялся перед трудами Залманова, которого нередко ставил мне в пример.

Не имея даже законченного среднего образования, Учитель отлично знал не только народные, но и фармакологические свойства растений. Он всегда просил меня запоминать латинские названия трав, и сам составлял прописи на латыни. Объяснял он это просто: разные травы в зависимости от своих свойств могут иметь одинаковые народные названия. Например, маточник – это и шандра, и душица, а также еще и растение, для которого такое название является научным. Так что, поди, разберись, чем именно лечился человек, если он говорит о маточнике. А вот если в рецепте написано *Marrubium*, то это уж точно шандра и ни что иное.

Не имея фундаментального медицинского образования, Петр Иванович неплохо ориентировался в патогенезе многих болезней, что и позволяло ему правильно строить лечебные схемы.

С ядовитыми травами, такими как аконит или болиголов, Учитель работать не любил, хотя и знал их отменно. Я спрашивал, почему. Получал следующий ответ (с обычной улыбкой):

- Я, - мол, - человек старый, невнимательный, глядишь, напутаю чего-нибудь. А человек отравится. Придется указательный палец резать.
- ?!
- А ты икону Пантелеймона Целителя видел? Он там указательный палец показывает.
- Да нет же, - говорю, - Он там ложку держит, которой лекарства больным из коробочки дает.
- Это на обычной иконке. А для знахарей своя икона есть, - и показывает мне образок, где и впрямь ложки не видно, - Вот видишь, палец показывает. А это значит, что ежели знахарь случайно человека отравит, то пусть себе усечет указательный перст, дабы ему было также больно, как родичам усопшего.

Я уж и не знаю, была ли то на самом деле такая неканоническая иконка, или просто ложка была плохо прорисована, всерьез Учитель говорил, или подшутил надо мной таким образом. Однако про яды и про палец я запомнил навсегда.

Было много и других особенностей и привычек в работе у Петра Ивановича.

Так, например, он считал, что нужную тебе траву можно взять в любой сезон. Она все равно будет работать, хотя и хуже, чем в золотое для нее время. «Тут, - говорил он, - нужда определяет, когда траву рвать, а не наука. Ежели к тебе пришел больной, то он не будет дожидаться корней по осени, а цветков в июле. Ему плохо сейчас. Так что дай, что есть, или подумай, чем заменить. Однако замена может оказаться хуже, чем пусть и недозревшая, но нужная трава».

Очень потешался надо мной Учитель, когда я высаживал на дачном участке нужные (на мой взгляд) растения. Так было с расторопшей, что на Дальнем Востоке в диком виде не растет. Я ее посеял семенами как-то по весне, а когда она начала всходить красивыми «камуфлированными» двудольями, похвастал Петру Ивановичу. Тот по-доброму посмеялся и говорит, хвалиться, мол, по осени будешь. Я-то и не понял в то время, что он имел ввиду. Зато в августе-сентябре, выкорчевывая по всей даче рассеявшиеся колючие остро-пестрики, я припомнил слова Учителя.

Когда я говорил, что нужно посадить на даче какую-то травку, Петр Иванович отвечал, что не стоит этого делать. Нужно просто выйти в лес или в поле и внимательно посмотреть себе под ноги. Обязательно найдешь то, что тебе необходимо.

Учитель был очень щедрым на знания. Он никогда не отказывал в объяснении, если его кто-нибудь спрашивал о травах. Даже в тех случаях, когда находились хитрованы, явно преследовавшие барышную выгоду. Когда его супруга Елизавета Федоровна указывала ему на это и даже попрекала, мол, разбазаришь знания, он отвечал: «Умный узнает и сам, а дурак или не поймет, или не запомнит. А чтоб науку превзойти, так то одним – двумя вопросами не отделаешься. Нужно дело полюбить».

Много еще историй я мог бы рассказать про моего Учителя. Но хочу вспомнить еще только два самых важных для меня урока. Оба они уложились всего в одну фразу каждый.

Однажды, когда я уже проработал фитотерапевтом два или три года, затеял я создать базу данных по больным на компьютере. Внес я туда и составы сборов, которыми лечил.

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что у совершенно разных больных были похожие сборы. Когда я задал это вопрос Учителю, он ответил: «Вот ты уже и сам понял кое-что. Лечит не только трава, но и тот, кто своими руками сделал из нее сбор».

И, наконец, последний и самый главный урок. Когда я уезжал с Дальнего Востока насовсем, я пришел прощаться со своим Учителем. Старик, обнимая меня, заплакал. Да я и сам еле сдерживался, если честно. И тогда, отбросив стеснения и условности, понимая, что вижу Учителя в последний раз, я прямо спросил его о том, что интересовало меня с самого начала: почему я? Почему он выбрал в ученики меня?

И Учитель ответил: «Потому что ты блуда не допустишь».

Сначала-то я, тщеславец глупый, слова его как похвалу себе воспринял.

А это и был его последний и самый главный урок. Не предавай свое дело, не предавай своих больных, не предавай самого себя. Вот что хотел сказать этим Учитель. И понял я, какой огромный груз нравственной ответственности упал с последними словами Учителя на мои плечи. Как же можно не оправдать такое доверие!

С момента нашей последней встречи прошло несколько лет. Я много работал и продолжаю то же. Уже и ко мне стали обращаться люди, просясь в ученики. До недавнего времени такие просьбы вызывали у меня отторжение и даже панику. Я считал, что еще не готов учить, что сам еще мало знаю. А самое главное, дух мой еще не созрел отдавать. И находил разные причины для отказа.

Однако совсем недавно я понял. Мастером становится не тот, кто познал науку, а тот, кто способен ее сохранить. Человек, увы, не вечен. И со смертью каждого из нас Божественный Свет теряет один из тех алмазов, через которые он светит в этот мир. Непросто сохранить Свет на собственных гранях. Еще сложнее огранить камень другой, что засияет после тебя.

Алефиров А.Н., январь – февраль 2006 г.